

ХАРАКТЕРЫ

«Я РАБОТАЛ В ТРЕХ ЖУРНАЛИСТИКАХ...»

Генриху Боровику исполнилось 70 лет

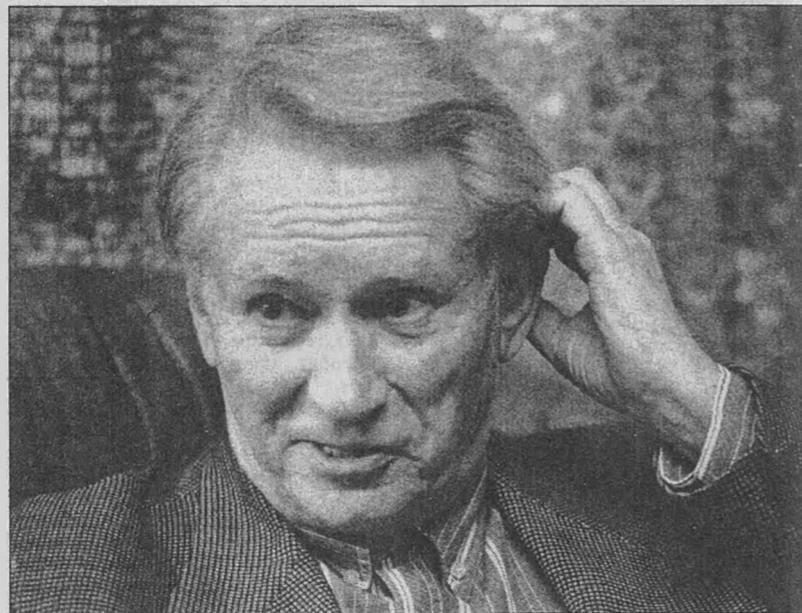
Сергей Шаповал

ГЕНРИХ АВЕРЬЯНОВИЧ, биографические справки представляют вас как журналиста, писателя, публициста. Какова ваша самоидентификация?

— Может быть, это прозвучит странно, но моя идентификация такова: я — Генрих Боровик. Вся жизнь работаю в этом звании. Если говорить об очередности моих занятий, то начинал я с журналистики, в этом смысле я прежде всего журналист. Через какое-то время журналистика мне показалась маловато, и вовсе не потому, что я достиг в ней вершин, просто сказать все, что мне хотелось сказать, в журналистике было невозможно. Поэтому я стал писать пьесы. Они написаны на зарубежном материале, и все равно это давало мне возможность выразить то, что я не мог сказать в журналистике. Мой приход в театр был логичным и по другой причине: я вырос в театре. Мои родители работали в Пятигорском театре музыкальной комедии. (Кстати, там начинали карьеру бывшие тогда немногим старше меня Михаил Водяной и Махмуд Эсамбаев. Именно благодаря тому, что Махмуд в 1944 году работал в Пятигорске, он избежал депортации.) Плюс к журналистике и театру я обладал неким общественным темпераментом, который не позволял мне довольствоваться только написанием статей ради гонорара и популярности, мне хотелось многое исправить к лучшему. Все это в совокупности и составляет мою жизнь.

— Работая в таких сферах, в советское время невозможно было не зависеть от идеологии. Насколько ваши взгляды входили в противоречие с тогдашними идеологическими установками?

— Что касается идеологии в чистом виде, то есть идей и идеалов, я признавал и признаю всю прелесть коммунистичес-

Генрих Боровик.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

ких идеалов, но в возможность их осуществления я не очень верил. Помню, я был студентом, когда выступил Молотов и сказал: мы построили социализм. Так вот, мы с ребятами говорили открыто, что это чепуха. Я реалистично смотрел на нашу жизнь. А вот в противоречие я всегда входил с дураками и сволочами, которых, к сожалению, было много...

Я оказался в Афганистане в первые месяцы после ввода наших войск. Я оттуда почти ничего не написал, потому что понял, что наша армия не подготовлена к войне, солдаты не знают, за что воюют, подвоз оружия сильно запаздывает, потому что война идет в горах, не хватает медикаментов, потому что их не заказывают

в нужном количестве, чтобы в Москве не поняли, сколько жертв, и многое другое. Приехав в Москву, я пошел в ЦК к моему другу, который работал референтом генерального секретаря, и все ему рассказал, что это чепуха. Я реалистично смотрел на нашу жизнь. А вот в противоречие я всегда входил с дураками и сволочами, которых, к сожалению, было много...

Я оказался в Афганистане в первые месяцы после ввода наших войск. Я оттуда почти ничего не написал, потому что понял, что наша армия не подготовлена к войне, солдаты не знают, за что воюют, подвоз оружия сильно запаздывает, потому что война идет в горах, не хватает медикаментов, потому что их не заказывают

обещал жаловать генеральному секретарю. Стало ясно, что моя песенка спета. К счастью, мой друг рассказал всю историю Черненко, который в то время был заведующим общим отделом ЦК, тот воспринял ее близко к сердцу (подчеркну, я не был знаком с Черненко ни до, ни после этого события). Черненко позвонил Елишеву и стал говорить, что, может быть, Боровик в чем-то и ошибся, но принципиальные вопросы ведь он ставит правильно, потом он не к американцам пошел все это рассказывать, а в ЦК партии, так что незачем звонить генеральному. Так эта история и затихла. Трудно судить, где здесь трусость, а где подлость, но мне все это одинаково противно.

Еще один эпизод. В период вьетнамской войны я много писал об Америке, об антивоенном движении, которое вызывало у меня просто восторг. И вот через какое-то время один очень неглупый человек мне сказал: «Ты очень впечатляюще пишешь о демонстрациях у Белого дома и прочее, но тебе стоило бы быть немного слержаннее». Я спросил почему. «Потому что люди, читая тебя, подумают, что у них все позволено». Что тут можно сказать? К сожалению, в нашей стране к народу всегда относились как к быдлу.

— Вы много писали и рассказывали по телевидению об Америке, в какое-то время вы были одним из символов международной журналистики, которая говорит нам далеко не всю правду. У вас нет никакого груза на совести?

— Как показали сегодняшние дни, все, что написано мной об американской внешней политике, абсолютно подтверждается. Если вы сейчас возьмете мою книгу «Пролог», состоящую из моих корреспонденций 1968 года, вы в этом убедитесь. Я всегда писал только правду! Я мог эмоционально завышать оценки, но я не врал! Сомнения в этом были вызваны тем, что некоторые наши интеллигенты считали Америку во всем безупречной страной. Отсюда ирония: все врут про Америку; ха-ха-ха, у них негров, видите ли, линчуют и пр. Но я отвечаю за все, что написал, вплоть до маленькой заметки. Всегда были журналисты, которым верили и которым не верили. Была группа людей, которая распространяла всякие слухи, запускала в общественное мнение гадости. Это относится и к околосидентской мафии, которая очень сильно была напигована агентами КГБ — как мне говорили, около 60% окружения диссидентов были доносчиками КГБ.

— А вас пытались вербовать?

— Никогда. Бог миловал. Я довольно рано сделал себе имя, меня взять было не так-то просто. Раза два мне приходилось

помогать разведчикам. Когда я работал в Америке, меня не очень интересовали встречи с политиками, для меня важны были деятели культуры: моими друзьями были Артур Миллер, Норман Мейлер, Габриэль Гарсиа Маркес, Грэм Грин. А вообще меня интересовали простые люди, хиппи, почитайте мой очерк «Хождение в страну Хипплиндию». Но доводилось мне встречаться и с сенаторами, и с конгрессменами, и с президентами. Когда избрали одного из президентов США, я делал о нем материал, ездил в его родной город. Разведчики просили меня рассказать о каких-то деталях и подробностях, я поступил просто: дал им копию своих записей и позволил делать с ними, что они хотят. Меня благодарили, говорили, что в записях много интересного. Но через неделю я все это напечатал в «Литературной газете». Вы не можете себе представить, как они меня бранили, а один начальник сказал даже: «Да он над нами издевается!» Но сделать они ничего не могли, у меня действительно было имя. Был еще эпизод. Меня попросили поспрашивать у известных людей, что они думают о последнем выступлении Леонида Ильича Брежнева. Святое дело. Встречаюсь с известным политиком, спрашиваю: «Что вы думаете о последнем выступлении Леонида Ильича Брежнева?» — «О каком выступлении?» Они не печатали выступлений даже своих президентов, будут они интересоваться выступлениями других. Я нашим ребятам написал записку: «Дорогие друзья, если вас интересует общественное мнение по поводу инициатив нашего генерального секретаря, в Институте Гэллага за сто долларов вам сделают квалифицированный опрос». После этого они просто порвали со мной, решив, что я над ними действительно издеваюсь. Хотя к их работе я относился и отношусь с глубоким уважением. Среди них у меня немало друзей, в том числе и тех, которые вместе со мной учились в МГИМО.

— Вы чувствовали зависть по отношению к себе?

— Да, безусловно. Как-то Миша Жванецкий рассказал мне смешную историю. В 60-е годы мы вместе выступали в Политехническом, я воодушевленно рассказывал про Америку. Миша получил записку из зала: «Уважаемый Михал Михайлович, не смотрите на него с такой ненавистью, он не виноват». Он, смеясь, признался, что действительно завидовал мне тогда. На это есть простой ответ: «Я окончил МГИМО, моя профессия — журналист-международник. Кто тебе мешал пойти работать, например, в цирк, писал бы репризы, изъездил бы весь мир! Или

пошел бы плясать в ансамбль Игоря Моисеева, куда они только не ездили!»

— Вам довелось работать в двух кардинально различающихся журналистках — советской и современной, как бы вы определили разницу между ними?

— Во-первых, как очень большую. И в хорошем, и в плохом. Я, конечно, завидую молодым журналистам: они могут говорить все что угодно. Но я не завидую журналистам, которые полощутся в нечистотах, считая их чистой водой. (Я не имею в виду компроматы, если это правда, журналист обязан ее обнародовать.) Такие журналисты, только полощась в нечистотах, могут привлечь внимание зрителей на берегу: в чистой воде плавают — ну и что, а плавают в говне — интересно. Много врут. Неплохо бы научиться многим писать и говорить по-русски правильно. Свобода прессы, когда один телеканал и одна газета доказывают, что дважды два — это трамвай, потому что их хозяин в трамвайном бизнесе, а другой телеканал и другая газета доказывают, что дважды два — это стearиновая свечка, потому что их хозяин имеет свечной заводик (но неплохо бы все же сказать, что дважды два — это четыре), не является свободой прессы. Свобода прессы — это свобода говорить обществу правду.

Когда вы говорите, что я работал в двух журналистках, вы не правы: я работал в трех журналистках — советской, современной и американской. Я единственный советский журналист, который участвовал в очень многих телевизионных шоу в Америке. Журнал «Esquire», который в свое время печатал Хемингуэй, совершил исторический поступок: он попросил советского журналиста быть спецкором на съезде Республиканской партии в Майа-

ми в 1972 году. Этим журналистом был я. Мне есть с чем сравнивать...

Раньше, если советский журналист «отклонялся от линии партии», его просто лишали всякой работы, к тому же он попадал в черный список, максимум возможностей — работа дворника. Сейчас, если журналист не согласен с линией газеты, он может перейти в другую. Ну, будет меньше получать, но останется порядочным человеком и не лишится средств к пропитанию.

— Что из периодики вы читаете регулярно?

— Сейчас я не выписываю ни одной газеты. Утром по «Эху Москвы» я слушаю обзор прессы и уже приблизительно представляю, что стоит посмотреть, выхожу и покупаю несколько газет. Обычно я читаю «Известия», «Независимую», «МК», «Коммерсант», сами понимаете, что «Совершенно Секретно» и «Версия» я читаю обязательно. К сожалению, из-за нехватки времени не читаю ни «Правды», ни «Советской России», хотя за такими изданиями нужно следить.

— И напоследок: ваши ближайшие планы?

— Сейчас на канале «Культура» повторяют некоторые мои программы из цикла «Завещание XX века». С января надеюсь начать новый цикл передач. Есть предложение и от других каналов. У меня колоссальные архивы, есть вещи, о которых я обязан рассказать. На подходе у меня большая книга, жанр которой мне трудно определить, но это не совсем мемуары, ведь вы знаете, что мемуары — это попытка уйти от своего прошлого, а я от него уходить не собираюсь — это наша жизнь. Может быть, я научу эту книгу публиковать кусками. Ну и пьесы. Есть наброски и замысел трех пьес. Работы много... ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Генрих Аверьянович Боровик родился в 1929 г. в Белоруссии, школьные годы провел в Пятигорске. В 1947 г. поступил в МГИМО, который с отличием окончил в 1952 г. Журналистскую деятельность начал в журнале «Огонек». Первую известность приобрел как автор очерков из Вьетнама, Индонезии, Бирмы, Кубы и других стран. Член Союза писателей СССР с 1962 г. С 1966-го по 1972 г. — собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты» в США. С 1972-го по 1982 г. — специальный корреспондент при правлении АПН. С 1982 г. по 1987 г. — главный редактор журнала «Театр». В

1987–1992 гг. — председатель Советского комитета защиты мира. В 1989 г. был избран народным депутатом СССР, был членом постоянного комитета ВС по международным делам. С 1987-го по 1994 г. — политический обозреватель Гостелерадио СССР, ведущий телевизионных программ «Камера смотрит в мир» и «Позиция». В последнее время ведет программу «Завещание XX века» на канале «Культура». Дважды лауреат государственной премии СССР, лауреат премий Союза писателей и Союза журналистов, международной премии «Золотое перо». Награжден орденами и медалями СССР. Указом президента России от 16 ноября 1999 г. награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.